

ВЫПУСК

427-й

Одна из самых популярных молодых антрис театра и кино... Зрителям по душе ее жизнерадостность, естественность, искренность, ее, как говорится, здоровое начало. Артистка Московского театра имени Ермоловой, исполнительница теперь уже многих ниноролей Татьяна Анатольевна **ДОГИЛЕВА** — сегодня гостья нашей 13-й страницы.

— Татьяна Анатольевна, из ваших прежних интервью известно, что в школьные годы вы занимались в студии юного актера на Центральном телевидении, в студии юного востоковеда и еще занимались спортивной гимнастикой (даже получили взрослый 2-й разряд). Кто-то направлял вас или вы самостоятельно выбирали пути-дороги? Как складывались эти ваши страсти?

— Никто на меня не влиял. Просто было очень много энергии и хотелось заниматься сразу всем на свете. Испытать что-нибудь необычайное. В 10-м классе решила изучать Латинскую Америку, но мне быстро объяснили, что все равно не поступлю в институт имени Патриса Лумумбы, так как там только два места выделяют на москвичей и эти места всегда «заняты». Пошла в студию востоковедения при Институте стран Азии и Африки. Студенты читали нам лекции об Индии, Китае, рассказывали, объясняли. Я даже собирала документы, чтобы поступать в этот институт. Надо было взять характеристику из райкома комсомола: когда там узнали, что я из рабочей семьи, то спросили: «Не лучше ли продолжить рабочую династию?». Параллельно с консультациями в Институте стран Азии и Африки ходила на отборочные туры во все театральные вузы Москвы. И когда в ГИТИСе меня допустили на третий тур, то уже ни о какой Азии и Африке речи не было. Во все остальные театральные провалилась, а в ГИТИСе сработал, наверно, феномен везения. Читала там стихотворение Евтушенко «Отверженные», в нем есть такие строки: «А какие-то лысые умники здесь с усмешкой тебя рассматривают...» — на лицах экзаменационной комиссии появились улыбки. Сдала «мастерство» на пятерку, впрочем, как и остальные предметы: в школе-то была отличницей.

Все друзья и учителя страшно удивились, что я поступила на актерский: довольно некрасивым была существом. Встречаю в троллейбусе учительницу литературы, она ошеломленно смотрит и восклицает: «Потрясен! Тебя — на актерский?!» Даже на телевидении, где я занималась несколько лет, никто не предполагал, что может получиться актриса, а ведь там у меня уже был какой-то опыт: вела детские передачи «Отзовитесь, горнисты», «Пионерия на марше», «Читай-город», а в «выпускном» спектакле (училась тогда в 9-м классе) сыграла Царевну Несмеяну... Меня и после достаточно долго никто не хотел воспринимать как актрису. Поехала на студенческие каникулы в дом отдыха; когда сказала там, что учусь в ГИТИСе, все решили, что я таким образом пытаюсь вызвать к себе интерес, даже прозвище мне дали: «Гитис». Сейчас, бывает, на улице кто-нибудь подходит, здоровается, но не потому, что узнают, а просто путают со своими знакомыми. Однажды в булочной долго не могла убедить детского врача, что я вовсе не мать его пациента.

— У вас очень узнаваемая внешность. Многие ваши героини похожи на девушек из соседней квартиры, с соседнего двора. Не мешает ли такая типажность проявлять творческие возможности? Могли бы вы сыграть Офелию, Дездемону?

— Мне кажется, что могу сыграть любую роль. Между прочим, Офелию я репетировала — с Анатолием Васильевичем Эфросом, почти сразу по окончании института. В 1979 году он собирался ставить на телевидении «Гамлета» и пригласил меня без проб. Гамлета должен был играть Александр Калягин, Гертруду — Вера Васильева, Ларзта — Николай Караченцов. Я чуть не рыдала от счастья, что окажусь в такой компании! Эфрос был для меня богом. Студенткой несколько раз смотрела «Неоконченную пьесу...», и

ТАТЬЯНА

ДОГИЛЕВА

то, что делал там Калягин, казалось невероятной вершиной... Эфрос успел провести лишь несколько репетиций, заснял какие-то сцены на пленку, чтобы показать телевизионному начальству, но, увы, руководство ЦТ прижмырило эту работу.

— Мастерство, зрелость приходят к актеру с опытом, через общение с личностями. Как в этом отношении пополняется ваш творческий арсенал?

— В институте у меня был прекрасный педагог — Владимир Наумович Левертов. Удивительный человек: каждого студента считает невероятным талантом, и все, кому довелось с ним работать, в самом деле прекрасно играли.

Потом был театр Ленинского комсомола. Марк Анатольевич Захаров сразу дал мне, вчерашней студентке, центральную роль в «Жестоких играх» Арбузова. Эту пьесу собирался ставить тогда и Товстоногов, меня пригласили в БДТ, лучший театр страны; уже собралась было переезжать в Ленинград, но обстоятельства сложились иначе, о чем я несколько не жалею.

Марк Анатольевич очень многое дал мне. Он «вытащил» во мне характерную актрису (я-то немалое время считала себя лирической героиней, отчего были неудачи). Долго еще я использовала то, чему научил меня Захаров. Но, к сожалению, в Ленкоме не была избалована ролями; Марк Анатольевич говорил мне хорошие слова, очень уважаю его как выдающегося режиссера и театрального деятеля, но, очевидно, я не вписывалась в его палитру. Это уже моя беда. Сначала маячили какие-то надежды, но вскоре я поняла, что просто теряю квалификацию, перспектив никаких.

Поэтому, когда Валерий Владимирович Фокин пригласил в театр имени Ермоловой, пошла не задумываясь. И вновь обрела радость работы на сцене.

Обожаю сам процесс репетиций. Сыграла несколько хороших ролей; только что мы выпустили спектакль «Бронкс. Нью-Йорк», который поставил американский режиссер Майкл Майнер. У меня роль молодой женщины, которая хочет быть счастливой. Скоро начнутся репетиции в новой пьесе Радзинского.

— После «Жестоких игр» вас стали приглашать в кино, но ваши отношения с кинематографом, кажется, складывались драматично?

— Несколько лет вообще был страшный период в моей жизни, к тому же совпавший с простоем в Ленкоме. Было множество кинопроб (в том числе у Митты, у Швейцера, да и у самого Марка Анатольевича в фильме «Тот самый Мюнхгаузен») — и ни одного утверждения на роль! А желание работать в кино было беспредельное... Впервые снялась на IV курсе; фильм назывался «Пассажирка без билета»; получила главную роль — выпускница ПТУ, штукатура. Картина дала третью категорию, она прошла третьим экраном и не принесла мне ни славы, ни денег; думаю даже, что она сослужила мне плохую службу... Когда в тебя никто не верит, то и сама перестаешь верить в себя и начинаешь думать, что, может быть, неверно выбрала профессию. Я не видела выхода, только рыдала, как сумасшедшая... Вдруг Маргарита Микаэляна пригласила меня в картину «Вакансия», и наступила полоса везения. Снялась у Юлии Яковлевича Райзмана в «Частной жизни». Потом была «Блондинка за углом»...

— ...которая принесла вам огромную популярность, хотя почти не осталось газет и журналов, где бы ее не разнесли в пух и прах! А что дала эта работа вам, актрисе?

— Много радости. Правда, фильм снимался тяжело, ленин-

градское начальство и руководство «Ленфильма» то и дело вторгались в съемки с какими-то коррективами. Полфильма пришлось заново переозвучивать — прямо как на дублеже зарубежных картин: вставляли совсем иные слова в свои губы на экране. В приказном порядке нас заставили доснять иной финал, получившийся явно фальшивым. Мою героиню обвиняли в вульгарности, а ведь она — одинокий, несчастный человек: да, может все купить, все достать, но не знает, чем заполнить душевную пустоту. Сценарист Александр Червинский и режиссер Владимир Бортко обозначили социальное явление, открыли тип персонажа, который затем стал разрабатываться во многих фильмах.

— У вас бывает так, что роль дается с большим трудом, не клеится?

— В театре перед выпуском каждого нового спектакля у меня наступает кошмарное, чудовищное состояние. Кажется, что все плохо и неправильно, что это полный провал; на премьерных спектаклях у меня дрожат руки и ноги... А в кино происходит по-разному. Если роль мне нравится и я чувствую доброжелательное отношение режиссера, то готова сыграть все, что скажут, — я ведь очень послушная актриса, стараюсь в конфликт с режиссерами не вступать.

— Не возникало у вас желания расширить диапазон? Скажем, попробовать себя на эстраде?

— А я уже пробовала. Читаю рассказы своего мужа — писателя-сатирика Михаила Мишина. Правда, потребовалось приложить много усилий, чтобы он написал специально для меня, но после упорных «наставлений» появился рассказ «Место среди звезд» — о кинопробах (до сих пор моя больная тема).

ГОСТЬ
13 страницы

— Посмотришь ваши фильмы, и остается впечатление, что хорошо тому, с кем вы дружите. Что если вы к человеку расположены, то становитесь для него «своим парнем». Так ли это?

— Очень люблю своих друзей. Сказать, что я чересчур общительна, не могу, впрочем, приятелей у меня миллион. А вот своими друзьями я просто восхищаюсь, это замечательные люди (как правило, актеры). На съемках «Покровских ворот» познакомилась с Леной Кореньевой, Олегом Меньшиковым, он и по сей день мой ближайший друг.

— У вас есть любимые улицы, по которым вы предпочитаете пройтись с друзьями?

— Тверской бульвар, одно из красивейших мест, где пока еще сохраняется ощущение старой Москвы. Улица Герцена — потому что она ведет к институту, где я училась.

— Сегодня много интересной литературы, острых газетных материалов по социологии, экономике, праву... Успеваете что-то прочесть?

— Раньше я вообще не читала газеты. Принципиально. Потому что писали одно и то же, и нередко это были враки. В спектакле «Спортивные сцены» я играю девушку своего поколения, которая выросла на этой лжи, утратила веру в жизнь, в любовь, в человеческое достоинство... Когда началась перестройка, мы выписали массу газет и журналов, и меня было совершенно невозможно оторвать от прессы. В тот момент почувствовала в себе небывалое гражданское волнение. Для меня стало очень важным участие в публицистическом спектакле «Говори...»

Сейчас продолжаю читать, но уже не с таким воодушевлением, потому что писать-то пишут, а меняется пока мало что. И уж больно велик поток публикаций, вызывающих отрицательные эмоции. Я целиком за то, чтобы писать всю правду и о прошлом, и о сегодняшнем дне, но иногда становится просто страшно, начинаешь утрачивать смысл жизни, стараешься, как страус, спрятать голову в песок и искать положительные эмоции. Хотя я и оптимистка.

— Сейчас публицистика просто заполонила экран и сцену.

— Мне иногда присылают хорошие сценарии, но организмы противятся тому, чтобы погрузиться в эти социальные глубины... Хочется сыграть что-то красивое, романтическое, костюмную пьесу плаща и шпаги про любовь. И как зрительница предпочла бы сегодня смотреть мелодраму.

— Какая живопись вам ближе?

— Импрессионисты! Как-то на выставке меня совершенно поразила картина Эдуарда Мане «Дорога в Аржантей» — там чувствуется даже температура воздуха. Очень люблю голландского живописца XVII века Вермера Делфтского. Его картины необыкновенно поэтичны...

— Если бы вам выпала совсем свободная неделя, что бы вы предпочли сделать?

— Предпочла бы еще раз съездить в Коста-Рику.

— Какая вы хозяйка?

— Отвратительная! Ненавижу домашнюю работу — готовку, уборку. Если бы не мама, не знаю, как справлялась бы с бытом. Хотя есть у меня и «коронное» блюдо — муж говорит, что я хорошо варю суп.

— Что означает для вас день 8 Марта?

— Не пойму, зачем выделять какой-то день в году, чтобы быть подчеркнута внимательными к женщинам. А в остальные дни? Нам одни очереди в магазины чего стоят... Круглый год должно быть 8 Марта!

Гостю рассказал
Вадим ВЕРНИК.
Сфотографировал
Игорь ГНЕВАШЕВ